

Власова Т.И., доктор философских наук, профессор,
Днепропетровский национальный университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна

Колиева И.А., кандидат философских наук, доцент,
Днепропетровский национальный университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна

«КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ» КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА

Представлена попытка проанализировать особенности перевода специфической терминологии, которая определяет категории и концепты философского, лингвистического, литературоведческого, культурологического дискурсов. Акцентируется внимание на том, что проблема контекста при переводе обращает переводчика постмодернистских текстов к проблеме интерпретации.

Ключевые слова: постмодерн, калькирование, перевод, дискурс, метаязык, эквивалент.

«КОНФЛІКТ ІНТЕРПРЕТАЦІЙ» ЯК ПРОБЛЕМА ПЕРЕКЛАДУ НАУКОВОГО ТЕКСТУ

Представлена спроба проаналізувати особливості перекладу специфічної термінології, яка визначає категорії та концепти філософського, лінгвістичного, літературознавчого, культурологічного дискурсів. Акцентується увага на тому, що проблема контексту при перекладі звертає перекладача постмодерністських текстів до проблеми інтерпретації.

Ключові слова: постмодерн, калькування, переклад, дискурс, метамова, еквівалент.

“THE CONFLICT OF INTERPRETATIONS” AS THE PROBLEM OF A SCIENTIFIC TEXT TRANSLATION

The article is an attempt to analyze the peculiarities of the translation of the specific terminology which defines categories and concepts of philosophical, linguistic, literary and cultural discourses. The author concludes that the problem of context when translating turns the translator of postmodern texts to the problem of interpretation.

Key words: postmodern, translation, discourse, metalanguage, equivalent

Выход в свет большого количества переводов работ теоретиков-постмодернистов, малоизвестных в 90-х годах на постсоветском пространстве, – одна из наиболее заметных характеристик изменений последнего десятилетия в сфере гуманитарных наук. Актуальность

подобных переводов, – помимо собственно научного знания, – определяется вводом в научный дискурс определенного метаязыка, – технического языка структурализма, постструктурализма, деконструкции, гендерных исследований и т.д. Важность адекватного перевода специфических терминов, определяющих категории и концепты философии, лингвистики, литературоведения, психоанализа, культурологии и т.д., является, бесспорно, приоритетной задачей: только владение соответствующим метаязыком позволяет переводчику адекватно пользоваться соответствующим дискурсом. С другой стороны, использование адекватного дискурса делает текст интеллигибельным, позволяя рассчитывать на понимание и интерес читателей, говорящих и пишущих на разных языках.

Однако, несмотря на значимость переводов трудов теоретиков-постмодернистов, исследователей гендера и т.д., в постоянно растущем массиве научных работ, обсуждающих постсовременные вопросы, проблеме собственно перевода уделяется, на наш взгляд, явно недостаточно внимания. Не претендуя на полноту презентации заявленной проблематики или на ее исключительную важность, полагаем нужным отметить некоторые моменты, лежащие, как представляется, «на поверхности» текстов переводов некоторых академических изданий последних лет.

Следует заметить: как правило, авторы переводов обращают внимание читателя (подготовленного читателя) на те трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Например, Н. Носова и К. Хайдер пишут в предисловии к книге «Пол. Гендер. Культура» о том, что многие термины гендерной теории и феминизма являются «... переводом безэквивалентной лексики и вводятся в обиход переводчиками и учеными, которые знакомятся с зарубежными работами в оригинале». Авторы перевода отмечают, что зачастую приходится прибегать к калькированию или описательному переводу, иногда более удачным решением им представляется просто отсутствие перевода. Определенные проблемы связаны, по их мнению, как с «инновативностью» текстов, так и с их «идеологической окраской», поскольку неверно поставленный акцент или неудачно подобранный синоним могут привести к неправильному пониманию позиций западных ученых [1, 27]. Подобный комментарий, с которым, как представляется, нельзя не согласиться, выводит на в какой-то мере вечные проблемы перевода: «дух или буква» («literal vs. free»), формальная или динамическая эквивалентность («formal vs. dynamic equivalency»), точность или вольность, дословный или смысловой перевод («author-centered vs. reader-centered translating») [2].

Относительно ссылки на непереводаемость некоторых терминов, то, как известно, еще в 1542 г. Епископ Стивен Гарднер предложил оставить фактически неперевоенными (с латыни на английский при переводе

Священного Писания) 99 слов, среди которых была и пресловутая «ekkleisia», приведшая У. Тиндала на костер смертной казни. По сути эти же вопросы поднимает А. Г. Черняков в своем «Послесловии переводчика» к книге текстов М. Хайдеггера. Сделав «жест политкорректности» в сторону авторитетных переводчиков философских текстов В. В. Бибихина и А. В. Михайлова, А. Г. Черняков пишет, что не всегда следовал их предложениям, поскольку те или иные переводческие решения еще рано «канонизировать». Переводческие законы, о вечности которых говорит В. В. Бибихин в «Примечаниях переводчика» к «Бытию и времени», поняты весьма жестко – «умереть за единый умляют» – не кажутся уместными А. Г. Чернякову; русский философский язык, продолжает он, должен оставаться самим собой и после «прививки хайдеггеровской речи» – по сути, речи любого выдающегося философа второй половины XX века.

А. Г. Черняков особо отмечает, что известный символ философии Хайдеггера – «Dasein» – он чаще всего оставляет без перевода. Но однако такое решение, – пишет другой авторитетный переводчик Хайдеггера А. В. Михайлов, дает лишь ложное ощущение безопасности. Будучи непереуведенным, «Dasein» оставляет «запечатанным» именно то, над раскрытием чего трудится мысль М. Хайдеггера, полагает А. В. Михайлов [3]. Возвращаясь к «послесловиям», следует отметить, что не только А. Г. Черняков помещает в конце переведенной книги научный комментарий, многие переводчики останавливаются на значениях терминов и концептов, что, несомненно, является уместным и весьма полезным дополнением к переведенному научному труду. Например, комментарии Г. К. Косикова к книге Р. Барта «Нулевая степень письма» [4] или В. В. Бибихина, который дает тонкий и точный художественно образный комментарий к переводу – и значению – французского «difference» у Ж. Деррида: «Почему во французском словаре под difference только различие, разность, дифференциал?... Словарь рассудочно фиксирует статику, когда по сути дела ничто на наших глазах не равно себе, все беременно другим» [5, 6]. С другой стороны, в «Предисловиях переводчика» к «Конфликту интерпретаций» П. Рикера или «Логике смысла» Ж. Деррида проблемы собственно перевода авторами-переводчиками не затрагиваются вовсе.

Следует заметить, что иногда научные редакторы переводимых книг упоминают «трудности перевода» в стилистике некоего извинения, например Т. А. Алексеева и М. М. Лебедева пишут в предисловии к русскому изданию книги Дж. Э. Тикнера «Мировая политика с гендерных позиций» о том, что переводчики (студенты) столкнулись с объективными трудностями, и проблема не только в том, что нет соответствующей терминологии, но и в отсутствии научного видения данной проблематики, отсюда и сложности в передаче на русский язык той реальности, о которой пишет автор книги. «Именно поэтому, понимая все недочеты перевода, мы

сочли полезным опубликовать книгу», – заключают авторы предисловия [6, 22].

В последние годы достаточно часто происходит так, что тексты того или иного автора, уже опубликованные в переводе на русский язык и хорошо знакомые читателю, получают новую жизнь в переводах на украинский язык, что, безусловно, содержит интересный материал для анализа научного дискурса в русле компаративистики, например, классический труд С. де Бовуар «Второй пол» [7]. Затрагивая в данном контексте переводы работ исследователей гендера, хотелось бы отметить проблемы калькирования. Например, в русских переводах употребляется термин «феминистская философия» («feminist philosophy»), в то время как в украинских – «феминистическая философия» («феміністична філософія»). Что касается транслитерации или транскрибирования терминов, тут тоже возникает «разночтение». Например, «феминистская философия» в русских переводах и «феміністична філософія» в украинских («feminist philosophy»), «фемининные качества» и «фемінні якості» («feminine features») – соответственно. В виде транскрипции и в русские, и в украинские переводы вошел термин «квир-теория» («queer theory»). Однако транскрипция в переводах может приводить к некоторой амбивалентности, например, «экс-центричная идентичность» («ex-centric identity»). Следует заметить, что термин «Я» в переводных работах по психологии и психоанализу все чаще заменяется калькированным «селф», а «the Other» по-прежнему переводится и как «Другой», и как «Иной».

Как известно, калькирование – сложная проблема, однако чаще всего она свидетельствует о недостаточной профессиональной компетенции переводчика, как следствие, – такой перевод разрушает концепты переводимого текста или дополняет его ложными коннотациями. Если обратиться к гендерным исследованиям, то, например, известная работа Д. Спендер «Man Made Language» переводится уважаемыми авторами перевода как «Мужчина создал язык», хотя, на наш взгляд, более уместным было бы сказать «Язык, созданный мужчиной». Классика Дж. Батлер «Gender Trouble» вошла в канон феминистской литературы на русском языке как «Гендерное беспокойство», хотя, как представляется, это «Гендерная неопределенность», и т.д. Последнее выводит любого переводчика на проблему контекста (у Дж. Батлер – это неопределенность гендерной идентичности) и, соответственно, с неизбежностью обращает любого переводчика постмодернистского текста к проблеме интерпретации.

Утверждая, что философия есть прочтение смысла, скрытого в тексте за явным смыслом, П. Рикер пишет в «Конфликте интерпретаций»: «... существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, рождающихся в мире культуры» [8, 63]. Согласно М. Хоркхаймеру и Т. Адорно, жизнь человека

в науке Нового времени проходит через отречение от смысла: понятие заменяется формулой, причина – правилом и вероятностью [9, 19]. Характеризуя «ситуацию постмодерна», Ж.-Ф. Лиотар пишет о герменевтике смысла, а Дж. Капуто утверждает: есть одно слово, которое наиболее полно суммирует «постмодернистский поворот», это слово – герменевтика [10, 202]. По утверждению П. Рикера, на одном полюсе герменевтика понимается как проявление и восстановление значения, адресованного читателю, на другом полюсе находится понимание ее как демистификации, как редукции иллюзии. Согласно П. Рикеру, герменевтика оживает благодаря именно этой двойной мотивации [16].

Именно в ее прямом значении интерпретации герменевтика играет столь значительную роль в контексте многих теоретических трансформаций постмодернизма. Интерпретация как термин герменевтики стоит того, чтобы задать вопрос: что же такое интерпретация? Прежде всего, необходимо сказать, что в современных энциклопедических словарях интерпретация определяется как способ реализации понимания. «Всякое понимание, – пишет Х.-Г. Гадемер, есть интерпретация, и всякая интерпретация движется в медиуме языка, которым говорит предмет и который в то же время является языком интерпретатора» [11, 451]. Ж. Делез, снискавший себе славу виртуозного интерпретатора и деконструктора текстов, всегда демонстрирует свой особый способ прочтения – «прочтения посреди». Речь идет о выявлении изначальных интуиций, движущих автором, и тогда фокус внимания смещается на те едва заметные отклонения и двусмысленности, которые присутствуют в терминологическом аппарате рассматриваемого текста [15].

В то же время существенным представляется и то, что для герменевтики важен не только момент понимания, но и проблема правильного изложения понятия. Функция герменевтики, – пишет П. Рикер, – заключается в том, чтобы сделать возможным «... совпадение понимания иного – а также и знаков, принадлежащих различным культурам, – с самопониманием и пониманием бытия» [8, 100]. Только в инстанции дискурса язык обладает референцией, утверждает П. Рикер, однако дискурс есть «... последовательность выбора, посредством которого выделяются одни значения и отвергаются другие» [8, 145]. П. Рикер фокусирует внимание на «семантическом ядре» всякой герменевтики: «Представляется, что общий элемент, присутствующий всюду – от экзегезы до психоанализа, – это определенная конструкция смысла, которую можно было бы назвать двузначной или многозначной, – ее роль всякий раз ... состоит в том, чтобы показывать, скрывая» [8, 50]. Занимаясь переводом «актов изречений», речи как дискурса, переводчик тем не менее, занят в первую очередь, семантикой – лингвистической семантикой, и последняя представляет для переводчика определенную проблему.

Ж. Деррида доказывает, что значение всегда является неуловимым и неполным в том смысле, что язык никогда не может передать «в совершенстве» то, что имеет в виду пользователь языка» [12]. В значительной степени трудность перевода текстов теоретиков постмодерна состоит в том, что деконструктивистские постмодернистские исследования проявляют особую склонность к «теоретизированию» своей собственной природы. Интересно отметить, что Деррида не предлагает читателям глоссарий терминов, с помощью которых можно было бы перевести его обширные труды. Деконструктивизм, как справедливо замечают ученые, не обитает в сферах глоссария, поскольку в его сферах все подчиняется «правилу неопределенности» [13, 109]. С другой стороны, У. Эко замечает: «Читатель есть активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения «текста» [14, 194]. Мысль о том, что, читая тексты, читатель создает их, с неизбежностью выводит на мысль о том, что еще в большей степени их «создает» переводчик в своей работе над словом, выражением, дискурсом и текстом.

Список использованной литературы

1. Носова Н., Хайдер К. Проблемы перевода // Пол. Гендер. Культура. – М.: РГГУ, 2009. – С. 24-28.
2. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. – London and New York: Longman, 1997. – 258 p.
3. Черняков А.Г. Послесловие переводчика // Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – С. 442-445.
4. Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический Проект, 2008. – 431 с.
5. Бибихин В.В. Жак Деррида // Деррида Ж. Позиции. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 5-8.
6. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Предисловие к русскому изданию // Тикнер Дж. Э. Мировая политика с гендерных позиций. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 7-22.
7. Бовуар С. де. Друга статья. – К.: Основи, 1995. – 782 с.
8. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 311 с.
10. Caputo J. D. Truth: Philosophy in Transit. – London: Penguin Books, 2013. – 283 p.
11. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. – J.C.B. Mohr, 1975. – 553 S.
12. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический Проект, 2007. – 495 с.

13. Agger B. Cultural Studies as Critical Theory. – London: The Falmer Press, 1998. – 217 p.
14. Эко У. Роль читателя. – СПб: «Symposium», М.: Из-во РГГУ, 2007. – 501 с.
15. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность. – М.: ПЭРСЭ, 2001. – 480 с. – С. 451.
16. Jameson F. The Political Unconscious. – New York, London: Routledge, 1996. – 305 p. – P. 284.